

1

Желтеет за окном. Скользят лучи косые.
Хочу тебе сказать я тихие стихи.
Мать воду родника нам в ведрах приносила.
Мои стихи теперь, как та вода, тихи.
Пусть так теперь звучат стихов моих признанья,
Как эта тишина, — она сейчас во всем.
Так старенькая мать сидела на диване.
Так сумерки теперь вошли в наш мирный дом.
Мои стихи к тебе тихи, как снег на склоне.
Как снег. Но только в них не холод, не мороз,
Они теплы, как ты — твой взгляд, твои ладони.
Тихи, как тот цветок, что в нашем доме рос.
Такие говорить стихи тебе я стану,
В них — ты, твои шаги, твой взгляд и голос твой.
Пусть льются в тишине, как струйки из-под крана,
Как ласточка в дому, кружатся над тобой.

2

Я помню в час беды твои родные руки.
Их ощутив тепло, я забывал про боль.
И исчезало все — невзгоды, горечь, муки,
Я обретал себя и снова был собой.
Но мало я тебя благодарил за это,
Сходил с прямой тропы, блуждал среди бела дня.
Простишь ли ты меня, безумного поэта,
За то, что столько зорь встречала без меня,
Что говорил тебе я полные мороза
Слова, что столько ран душе твоей нанес?
Не раз в твоих глазах потом я видел слезы,
А сколько я тебе незримых стоил слез!
Но мягкие слова, что лунным светом льются,
Я тоже говорил — я счастлив был с тобой.
И если уезжал, спешил скорей вернуться,
Меня твое лицо назад звало, домой.

3

И говорил себе, что твоего красивей
На свете я лица не видел никогда,
Что если рядом ты — я проще и счастливей,
Что крылья придает твоя мне красота.
И сам был на себя за суетность в обиде,
Смотрел в глаза твои и проклинал тот час,
Когда за суетой в них света звезд не видел.
О, свет моих ночей — сиянье этих глаз!
Я забывал про них, но ты прости мне это.

Дай лучше я опять в глаза твои взгляну!
Что может быть трудней и тягостней поэту,
Чем те часы, когда он сознает вину.
Ни разу тучи свет мне в жизни не закрыли:
Когда мне тяжело, в глаза твои смотрю.
О женщины! Вы впрямь мужского сердца крылья.
Так говорили встарь. Так вновь я повторю.

4

А ты была как лань. И как хребты сиянье
Дарят, так красоту ты подарила мне.
Благодарю тебя. Будь вечно легкой ланью.
Будь до последних дней верна своей весне.
О крылья красоты! Вы значите немало.
Есть в красоте твоей всей жизни мощь и свет.
Дни темные, как ночь, она мне освещала,
И, победив их мрак, я не страшился бед.
Тебя большой поэт назвал кавказской фреской,
Поэт, что так правдив и честен был всегда.
А я — я до сих пор влюблен в тебя по-детски,
С поэзией всегда шла рядом красота.
Как мудрость и талант она. В ней та же сила,
В ней подвига накал, его порыв святой.
Она во все века и грела и светила.
Наш дом зимой согрет твоею красотой.

5

Любимую сравнил поэт Востока с ланью
Уже давным-давно, за много лет до нас.
Но ты и впрямь как лань. Мне больно от признанья,
Что он — не я сказал в стихах так в первый раз.
Пусть он в лохмотьях был — ему счастливо пелось,
Коль удалось ему такое вдруг открыть.
О, как бы мне теперь твои глаза хотелось
С глазами лани вдруг счастливо так сравнить!
Пусть он в лохмотьях был, пусть знал он много горя,
Но тот, кто так сказал, не зря на свете жил:
Он словно путь нашел к неведомому морю,
К невиданной земле дорогу проложил.
Я на тебя смотрю. И вновь сравненье это
Твержу. Его никак забыть я не могу.
Да, сила красоты извечна, как рассветы,

Пред женской красотой мы все как есть в долгу.

6

Пред женщиной — ее руками и глазами,
Пред красотой ее немого я немей.
Все делает она умелыми руками —
Стирает, варит, шьет, купает малышей.
О, нежность и тепло рук, мне создавших счастье,
Умелых, добрых рук — мне их дороже нет.
Они смуглы. А я их в тесте видел часто,
Цвет теста оттенял их смуглый нежный цвет.
Все радости земли, все горести и раны
Проходят сквозь тебя, все в сердце носишь ты.
Прости мне дни, когда блуждал я как в тумане
И низвергал тебя, как в пропасть, с высоты.
Распахнуто окно. Деревья пожелтели.
Твоя рука в моей. Сидим. Молчим вдвоем.
Мне кажется, года вот так же пролетели,
Как журавли летят сегодня за окном...

7

Ты девушкой была такой, что пахли губы
Как розы. Ты и впрямь легка была как лань.
Смешались времена. И — любо иль не любо —
Я думаю: поэт Востока отдал дань
Тебе века назад, что он с глазами лани
Твои глаза сравнил, в саду их увидав,
И засмотрелся на тебя, зашлось дыханье,
И удивился он, как я, счастливым став.
О, розы на губах! Как солнце пахли руки
В те дни, когда с тобой узнали счастье мы!
Нет, не могу теперь подумать я без муки
О том, что скроет их глубокий снег зимы...
О, розы на губах! И я пишу, желая
Еще раз пережить той девушки приход.
Пусть хоть в моем стихе та красота живая
На лишний год один подольше проживет.

8

На желтизну дерев глядим мы, вспоминая.
Что так на зелень их смотрели мы с тобой.
Вспять реки не текут. Да, верно. Это знают
Не только мудрецы. Тут жизни свет и боль.

И мы с тобой глядим на горы, как смотрели
Впервые мы на них в далекие те дни,
Как будто мы с тех пор совсем и не старели.
Как будто мы с тобой бессмертны, как они.
Все так же их хребты белеют постоянно,
Хоть и века прошли над ними чередой,
Садятся и на них тяжелые туманы.
Но это лишь привал в их жизни кочевой.
Вновь на тебя смотрю, как я смотрел впервые.
Как будто на тебя годов не пала тень,
Как будто сам твоей не видел седины я
И ты осталась той, какой была в тот день.

9

Желтеет за окном. И птицы над домами.
Подходит вновь зима, готовит свой набег.
Ты гладишь мне виски и теплыми руками
На голове моей вдруг ощущаешь снег.
Не первый я поэт, что говорит про это,
И не последний я. Земле цвести, поверь:
Все будет и без нас — зима, весна и лето.
И реки будут течь сквозь годы, как теперь...
Я знал немало дней прекрасных. Я с разбега
Врывался в мир, любил тепло, дожди, зарю.
Идет моя зима, и, чуя запах снега.
На голые холмы я с нежностью смотрю.
Сидим с тобой вдвоем, и мне не одиноко.
Жизнь! Благодарен ей я за судьбу свою,
За страсть, за счастье жить здесь, на земле высокой,
За жар моих стихов, за красоту твою!..

Перевел Н. Коржавин

Моей любовью ты была, большой, счастливой.
Теперь ты — только боль оборванной мечты.
Приходит смерть порой и к девушкам красивым.
Ты девушкой была, надгробьем стала ты.
О, тонкость рук твоих и их тепло живое,
На цвет морской воды похожие глаза!
А ветер над тобой качает ночью хвою,
И о тебе гудят сосновые леса.

Твои глаза всю жизнь любили снег и осень,
И сосны, и весну, и грусть дождей косых.
У мертвых неба нет, и снега нет, и сосен.
Холодной глины тьма закрыла все от них.
В поэзии любя нетленность, вечность, силу.
Цвела ты. И ушла. И стал мой день тяжел.
Спокойно звезд огни горят. Ты их любила,
И за ночь абрикос, как при тебе, расцвел.
Да, и красавиц смерть уносит. Как мириться
Нам с этим? Все равно ничем тут не помочь.
Красивое лицо твое мне часто снится
Всю ночь, пока рассвет не отодвинет ночь.
Ты улыбаешься во сне. И хоть я знаю.
Что это только сон, — на завтра встречи жду.
Но нам уже вовек не встретиться, родная,
Ведь ты лежишь в земле, а я по ней иду.
Иду я по земле, а ты лежишь под нею,
Я вижу облака — их легкость, свет и цвет —
И розы, что теперь не для тебя алеют.
Я за тебя всему шлю грустный свой привет.
Для мертвых нет любви и нет цветов, просторы
Морей им не нужны, весь мир от мертвых скрыт.
Им сосны не шумят, им безразличны горы
И жизнь. И в этом смерть как раз и состоит.

Перевел Н. Коржавин

Идет спокойный снег. Весь день брожу, вдыхая
Его прохладу, я. Простор и свежесть в ней.
И вновь весь день стихи я женщинам слагаю —
Весне души моей, зиме души моей.
Их руки и глаза нас всюду согревали
Средь радостей и бед, в дни скорби, в дни труда.
Мы ради них шли в бой и жизни отдавали,
Мы думали о них, их помнили всегда.
Кинжальных, пулевых ранений много было,
Не жаловались мы, сражались против зла.
Когда ж в кровавый день мы вдруг теряли силы,
Как знамя, нас любовь спасала и вела.
Вот Пушкин на снегу лежит у речки Черной,
Махмуд в последний раз глядит на выси гор.
И голос твой, Меджнун, звучит в ушах упорно:

Ты где-то средь пустынь тоскуешь до сих пор.
Идет спокойный снег. Весь день брожу, вдыхая
Его прохладу, я. Простор и свежесть в ней.
И вновь весь день стихи я женщинам слагаю —
Весне души моей, зиме души моей.

Перевел Н. Коржавин

Я тебя вспоминал у Адайских высот.
Над чинарами солнечный свет ликовал,
Ты жила в этом мире открытых красот.
У Адайских высот я тебя вспоминал.
У Адайских высот ты врывалась в мой стих
Вместе с зеленью веток, как солнечный луч.
Разгорался рассвет, откровенен и тих,
И чинары молчали у каменных круч.
Я зажег в твою честь полуночный костер
У Адайских высот. Я стоял на краю
Голубых пропастей, перед сонмищем гор,
Ты заполнила полностью память мою.
И с Адайских высот до тебя аромат
Расцветающих трав этот стих донесет.
Где чинары и скалы, Восход и Закат
Вспоминают тебя у Адайских высот.
Я с Адайских высот посылаю мой стих,
Грохот горных потоков его просквозил.
Он гудел водопадом в ущельях пустых,
Где на острых обрывах алеет кизил.
У Адайских высот для тебя родились
Все слова, что сегодня тебе говорю.
Как в твой лик, запрокинутый в звездную высь,
У Адайских высот я смотрел на зарю.
У Адайских высот, где с отвесной скалы
Водопад ледниковую воду несет.
Где навстречу заре вылетают орлы,—
Я тебя вспоминал у Адайских высот.

Перевел М. Дудин

Все о любви ты пишешь! Или нету
Высот, затмивших этот перевал?
А мне всегда казалось как поэту,
Что о любви я мало написал.
Как мусульманин истинный корану.
Любви ты поклоняешься весь век!
Когда о ней писать я перестану.
То буду мертв и холоден, как снег!

Перевел Я. Козловский

